

АННА
ДАНИЛОВА

DA

УСТАВШАЯ ОТ ЛЮБВИ

Психологический детектив

Эффект мотылька. Детективы Анны Даниловой

Анна Данилова

Уставшая от любви

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Данилова А. В.

Уставшая от любви / А. В. Данилова — «Эксмо»,
2017 — (Эффект мотылька. Детективы Анны Даниловой)

ISBN 978-5-04-156355-4

Убить мужа – кто из нас не жил с этим кошмаром, с этой мечтой, с этим наваждением? Наталья могла это сделать, у нее хватает смелости самой себе признаться в этом. Недаром ее кумир – Жорж Санд, хрупкая женщина, выбравшая вместе с мужским псевдонимом стальной характер. Но разве мечта и реальность, имя и человек, роль и актер, который ее играет, всегда равны друг другу? Разыграть преступление в воображении и поплатиться за спектакль, устроенный для себя самой, – с этим Наталье предстоит справляться сразу после гибели мужа...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-156355-4

© Данилова А. В., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

1	7
2	13
3	22
4	30
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Данилова А. Уставшая от любви

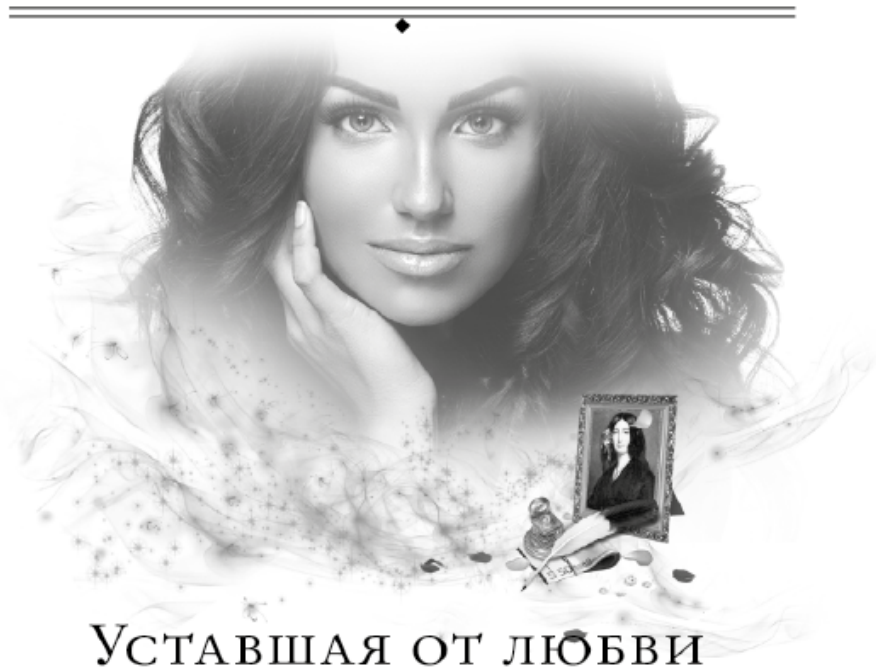
© Дубчак А. В., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

АННА ДАНИЛОВА

Зачем ты выбираешь роль, которая убьет тебя?

УСТАВШАЯ ОТ ЛЮБВИ

Москва 2017

1

Только мы с Катей знаем, как это приятно – убивать своих мужей. Ни с чем не сравнимое удовольствие. Катя убила своего равнодушием и нелюбовью. Он почувствовал это, ушел от нее, женился на другой и через месяц погиб в автомобильной аварии.

Я убила первого мужа, наоборот, чрезмерной любовью. Не в силах ни в чем ему отказать, я купила ему дорогую спортивную машину, на которой он и разбился в пыль спустя – вот рок – тоже месяц.

Наши мужья похоронены рядом под большими елями в тихом месте в Подмоскowie, и мы время от времени приезжаем навестить их и выпить рюмку-другую над могилой.

– Я знала, что этим дело кончится, – сказала Катя как-то раз, когда мы поминали наших мужей. – Знала, что он долго без меня не протянет, уверена была. Но все равно вынудила его уйти. Поэтому считай, что убила.

Я улыбалась ее словам. Глупости все это. Как она могла знать, что он погибнет в аварии? Это невозможно. Просто стечение обстоятельств.

А я, покупая мужу автомобиль, просто видела, как он разгоняется, теряет контроль над собой и врежется в сосну. Так все и случилось. И была именно сосна, а не какое-то другое дерево.

– Получается, что и я убила, – ответила я, поправляя цветы в тяжелой мраморной вазе. – И знаешь, я не особенно и горевала.

– Вот-вот, – отозвалась Катя, заканчивая высаживать на могилу цветочную рассаду. Анютины глазки весело затрепетали на легком ветру.

Катя так больше замуж и не вышла, решила, что одной легче и спокойнее. Я же, на удивление всем, снова нашла мужа.

История моего замужества – это песня. Или лучше драма. Наш брак можно считать неравным по всем пунктам. Разве что мы ровесники, а так... Мой муж – известный киноактер Сергей Голт. Я обыкновенный московский ресторатор Наташа Соловей.

Мой муж Сережа так талантлив и красив, что все, кто видит нас вместе, поражаются, как этот прекрасный молодой человек (нам обоим по тридцать с небольшим) выбрал в жены меня. Я невысокая полная брюнетка с маленькой родинкой над верхней губой. Если бы вдруг случилось чудо и я стала выше и стройнее, все бы увидели роскошную женщину с густыми смолянными волосами, которую не портит даже эта родинка. Но пока я могу гордиться только натуральной грудью шестого размера, доставшейся мне от природы нежной кожей и крепкими белоснежными зубами.

Увы, мой муж, русоволосый, зеленоглазый, очень молодо выглядящий красавец просто терпит меня рядом с собой. Думаю, все об этом догадываются. Наш союз – результат хорошо продуманного долгосрочного финансового проекта, называемого браком. Брачный договор мы не заключали, даже решили, что спать будем вместе. Остальные пункты меня вообще мало интересовали. Чтобы приглушить боль, я придумала себе, что мой муж – что-то вроде породистой собаки. Дорого, красиво, принадлежит только мне. Только я могу решать, что с ним делать – положить рядом с собой или любоваться издали.

Эта любовь, разрушившая меня, поправшая все мои принципы, сделавшая меня посмешищем в глазах людей, все еще подпитывала меня маленькими глотками счастья. Наркотического счастья, за которое я смогла бы отдать жизнь, если бы только понадобилось.

Будь я художником, я писала бы исключительно портреты моего мужа. Не знаю, каким вдохновением нужно было обладать матушке-природе, чтобы сотворить такого красавца. Главное в нем – глаза. Не просто зеленые, а светлые, прозрачные, постоянно меняющиеся – от

цвета весенней листвы до оливкового, табачного, а еще темнеющие до черноты еловой хвои в пасмурный день, уходящие в темень изумрудных таежных лесов...

Волосы светло-русые, слегка волнистые, небрежно растрепанные. Аккуратный нос, губы крупной лепки. Высокий, стройный, в меру подкачанный, походка легкая, стремительная. Иногда я ловлю себя на том, что мне хочется подойти к нему, схватить за руку и увести подальше от всех, кто смотрит на него. Только я имею право так смотреть – овладевая, проникая в него.

А он... он в меня уже давно не проникает. Мы спим в одной постели, и все. Просто спим. Даже под одним одеялом, но это все равно не делает нас ближе. И я знаю почему. И от этого знания, особенно когда я все это себе представляю, у меня темнеет в глазах, и тогда я хочу одного – чтобы Сережи не было в моей жизни. Потому что это больно. Слишком больно.

Первый ресторан мне оставил отец, царство ему небесное. И капиталец был какой-никакой. И еще две квартиры, одна на Петровке, другая на Маяковке.

Ресторан был обыкновенный, с русской кухней, без особых затей. Зато место шикарное, в пяти шагах от Пушкинской площади. В советское время здесь можно было позавтракать вареным яйцом под майонезом и кашей с какао, а по вечерам набивался артистический молодежь, и на закуску шли селедка с огурцами и квашеной капустой, салат «Юбилейный», холодец, семга с икрой. И потом, когда советское время закончилось, ресторан оставался безликим. Название у него тоже было самое обыкновенное – «Чайка». После смерти отца я стала здесь полноправной хозяйкой, но еще добрых года два продолжала кормить гостей все тем же холодцом.

В какой-то момент я поняла, что нужно придумать что-то свое, чтобы ни на кого не было похоже. Уж не знаю, как я решилась, но я изменила все, причем радикально, невероятно, невозможно! Поначалу, думаю, даже Катя с трудом сдерживала смех, слушая мои страстные до хрипоты речи. Но я ведь и вправду загорелась новым стилем ресторана не на шутку. Мы решили, что если сделать все уверенной рукой, быстро и со вкусом, то все получится. Мне хотелось шокировать всех, кто привык к старым интерьерам, хотелось потрясти своих друзей, даже если в этом был риск потерять кого-то из постоянных клиентов. Но рисковать я почему-то совершенно не боялась. Должно быть, меня успокаивала мысль, что, даже если мою идею никто не оценит, все равно народ валом повалит – место-то золотое, бриллиантовое.

Только Катя знает, что я тогда – и разве только тогда? – мнила себя Жорж Санд.

Эта удивительная женщина всегда была моим кумиром, и, читая «Лелию», я уже хотела походить на нее. Конечно, я не писатель, и к литературе меня особенно никогда не тянуло. Я восхищалась не ее романами, которые в подростковом возрасте проглатывала за ночь, меня привлекала ее невероятная женственность в сочетании с решительностью, умением держаться на плаву, способностью окружать себя гениальными людьми. И, конечно, главное – ее способность любить. Любя мужчин, любя себя в этой любви, она любила прежде всего самую жизнь. И кроила ее под себя, как те платья, которые она шила своими нежными руками в минуты вдохновения. Она сажала цветы своей любви так же, как высаживала розы в саду. Она умела и любила многое, что позволяло ей наполнить жизнь удовольствиями. Казалось даже, что она находила горьковато-приторное удовольствие и в страданиях. А сколько энергии было в этой невероятной женщине! А как весела и беззаботна она была в окружении любовников и друзей! «Веселье – говорила Жорж Санд, – лучшая гигиена тела и души».

Мир Жорж Санд покоряет прежде всего женщин. Вот и я решила создать первый ресторан в ее честь – для моих современниц. Пусть он напоминает нам о парижских кафе того уже легендарного века. К счастью, у нас были высокие потолки, так что я смогла задекорировать воздушными овальными арками отдельные залы. Деревянные панели, покрытые позолотой, стилизованная мебель с гнутыми ножками и обитыми шелком сиденьями, мраморные вазы с живыми розами, прозрачные, с изящными рисунками перегородки между залами. Пышно,

роскошно, дорого, цветочное изобилие и нарядные ткани – убранство моего первого ресторана должно было перенести моих гостей на один вечер в прошлое. Я останавливала для них время, отменяла суету и дарила удовольствие изысканными интерьерами и меню. Этот ресторан я решила назвать «Мопра» – по имени героя одного из первых романов Жорж Санд.

– Наташа, проснись.

Я открыла глаза. Оказывается, я лежала на диванчике в гостиной в халате и в домашних тапочках, отороченных розовым пухом. Надо мной склонилась Катя. Высокая, растрепанная, тоже в халате. Лицо озабоченное, глаза воспаленные.

– Что, Катя, есть новости? – спросила я, возвращаясь в тягостную реальность. – Его нашли?

– Мишин звонил. На юге Москвы обнаружен труп мужчины примерно того же возраста и такой же, как у Сережи, комплекции. Тоже блондин. Хоть бы это был не он.

– За десять дней мы с тобой опознали уже пять трупов. Не будем терять надежды. Я хочу думать, что и это не он. И что ему делать на юге Москвы? Хотя что я такое говорю?

Десять дней назад в Интернете и в газетах впервые осторожно сказали, что пропал актер Сергей Голт. Вышел из своего театра и исчез. Поклонницы, несущие вахту у служебного входа, видели только метнувшуюся к кустам фигуру в черном плаще. Но они хором твердят, что это не мог быть Сергей. Незнакомец в плаще был на целую голову ниже моего мужа и слегка прихрамывал – ничего общего с романтическим героем, скорее уж с персонажем какой-нибудь страшной сказки Гофмана.

Да и не мог Сережа выйти тайком. Он любил своих поклонниц, с радостью оставлял автографы в блокнотах и на фотографиях, а то и вовсе расписывался маркером на их плечах, руках и коленях. И цветы любил принимать, считал, что это правильно и что нельзя обижать невниманием тех, кто тебя так любит и восхищается тобой.

Но то, что он пропал, это факт. Исчез. Растворился бесследно, как туман. Словно я, очнувшись после бурной ночи, вдруг осознала, что мужа у меня и не было. Что он был плодом моего воображения, что я придумала его для себя, такого невероятно красивого, талантливого и коварного. То ли радоваться мне теперь, что все это только приснилось и любовь к нему больше не будет меня разрушать, то ли плакать, что переживания, которые были моей настоящей жизнью, оказались игрой воображения, сном.

Сколько раз я проиграла в памяти наш последний вечер.

После спектакля я заманила его домой. В последнее время он совсем отбился от рук, точь-в-точь подросток, вырвавшийся на свободу. Теперь я видела его все реже. Мои «глаза» и «уши» в театре, которым я щедро платила, все, от костюмерш до актрис, нуждающихся, но скрывающих свою бедность, постоянно держали меня в курсе всего, что происходило с Сережей.

У него и прежде хватало любовниц, но последняя, опасная, невозможная, настоящее исчадие ада, просто приворожила его. Будь я из числа тех, кто верит в приворот, я непременно нашла бы злобную старуху, которая помогла бы опоить моего мужа этим зельем, и заставила бы ее сделать так, чтобы он на дух не выносил эту школьницу.

Я заманила Сережу таким неприличным образом, что самой стало противно. Его театр собирался на гастроли в Париж. Понимая, как захочется ему продемонстрировать коллегам нашу парижскую квартиру, я пообещала сделать все возможное и невозможное, чтобы купить ему там машину. Пусть он не только принимает друзей, но и покатает их с ветерком в собственном новеньком кабриолете.

– Наташа, ты дура? – уставилась на меня Катя, когда я рассказала ей об этом. – Или ты действительно решила его грохнуть так же, как своего Геночку?

Геночка – так звали моего первого мужа.

Катя пришла ко мне за советом. Два года назад она, финансист по образованию, открыла собственное кафе в двух шагах от театра миниатюр «Скорлупка». Работать в моих ресторанах она категорически отказывалась, считала, что слишком велик риск раздружиться. В своем «Цахесе» – Катя отдавала предпочтение Гофману, потому и кафе назвала именем его персонажа – она занималась всем вместе с единственным родственником, племянником Юрой.

– Почему дура-то? – Я нисколько не обиделась, поскольку знала, что Катя, пожалуй, единственный человек в мире, преданный мне безоговорочно. Жизнь уже столько раз испытывала мою подругу на верность, что сомнений на ее счет у меня быть не могло. Катя была умна, образованна, мы дружили с детства, и какой бы крутой бизнес-леди я ни заделалась, ее мнение для меня значило многое. Если она считала, что я дура, значит, что-то в моем плане прихрамы-вает.

– Геночке своему ты уже купила машину, и теперь мы с тобой на пару пьем коньяк на его могиле. Или ты забыла?

Как такое забудешь?

– И потом, ты прекрасно знаешь, кого твой Сережа будет возить на этой машине в Париже.

– И кого же? Там же вся труппа, своих друзей и будет возить. Ленка-то в Москве. Не думаю, что она полетит вместе с театром. Это невозможно, ее родители не пустят.

Ленка, она же Елена Юдина, старшеклассница, последняя любовь Сережи. Это она сделала с ним что-то такое, что он, позабыв о наших договоренностях, о приличиях, да что там, потеряв рассудок, проводил с ней все свободное время. Он, женатый мужчина, связанный по рукам и ногам обязательствами перед женой!

Дав слово ночевать дома (исключая время гастролей и съемок), Сережа вот уже неделю как не появлялся в нашей квартире. Звонил, говорил, что у него павильонные съемки в Москве, и, кажется, не сомневался, что я ему поверю. Или ему все равно. Я даже не уверена, что он дает себе труд задуматься над тем, каково мне постоянно жить в этом обмане. Говорю же: ему все равно.

У меня, конечно, есть человек, который следит за ним и все мне докладывает. Профессионал, он знает свое дело так же хорошо, как я свое.

Это он принес фотографию моей очередной соперницы, тощей, длинноногой девицы с длинными каштановыми волосами. Совсем девчонка и наверняка тупая, раз влюбилась в актера. Разве нормальные девочки могут любить образы? А то, что эта Лена Юдина влюбилась в его экранный образ, несомненно. И это несмотря на то, что мой муж, играющий первых любовников, отлично справляется с ролями другого плана: негодяи, подлецы, убийцы, маньяки, психи... В какой из его образов влюбилась эта девочка, мне пока не ясно. Но то, что она успела насладиться телом моего мужа, – несомненно. Тому имеются доказательства – фотографии этой парочки. Мой человек забрался, думаю, на дерево, чтобы снять все то, что проделывали любовники за стеклами неизвестной мне квартиры. Не исключено, что Сережа снял ее для своих утех, а может, эта квартира принадлежит друзьям или родственникам Юдиной. Скоро я все узнаю.

– Наташа, приди уже в себя. Брось ты его. Зачем он тебе нужен?

В Катиной мольбе было столько жалости, что мне стало не по себе. Так вот как я, оказывается, выгляжу в ее глазах – жалкой брошенкой.

Мы сидели на моей кухне, залитой солнцем. На мраморной столешнице стояла желтая ваза с белыми розами. Катя допивала свой чай.

– Катя, ты же знаешь, что я люблю его.

– Но это не любовь. Это как наркотик. Тебя пора спасать.

– Он мой, понимаешь? Он по документам принадлежит мне.

– Да не может человек никому принадлежать. Он сам по себе. Он не сиамский твой близнец. И он не любит тебя. Ты уж прости, что я говорю тебе все это, понимаю, что причиняю боль. Сколько можно так унижаться перед мужиком? И как тебе еще дать понять, что так продолжаться не может?

– Может. Он никуда от меня не денется. Это ему только кажется, что он много зарабатывает. Тратит-то он куда больше. Исчезни я из его жизни, он пойдет по миру. Он привык покупать дорогие вещи, привык, что двери моих ресторанов всегда открыты для него и его компаний. Ты только представь себе, что будет, если все это закончится и ему придется расплачиваться за каждый съеденный лобстер, за каждый выпитый бокал шампанского? Когда поймет, что денежный поток перекрыт, что деньги закончились, он начнет влезать в долги. Продаст квартиру.

– Какую квартиру? – Катя поперхнулась, закашлялась, голубые глаза заблестели от слез.

Она сидела передо мной в простой рубашке и светлых джинсах, которые ей так шли. Жаль, что природа сотворила ее такой эмоциональной и мимические морщины разрезали ее продолговатое и без того некрасивое лицо. В свои тридцать три она выглядела на все сорок пять. Но даже с таким лицом она была по-своему красива и без меры обаятельна. А как я радовалась, что есть на свете человек, с которым я могу говорить искренне обо всем! По сути, я всегда была перед ней с настежь открытой душой. Мало кто видел и знает меня такой. Даже Сережа такой меня не знает. Если бы знал – сбежал бы от меня на край света.

– Он же не дурак и понимает, что часть моего имущества после развода отойдет к нему.

– Да все твои квартиры, дома и прочее – это все куплено до вашего идиотского брака!

– Ладно тебе, Катя. Пусть себе живет в одной из квартир, все равно это ненадолго. Говорю же, продаст рано или поздно.

– Ты не понимаешь. Пусть он перестанет тратить твои деньги и ищет себе другую дуру! Я бросила на нее грустный взгляд.

– Ты прости, Ната. Но он, известный актер и красивый сукин сын, никогда не останется на улице. Его подберут через час после того, как станет известно о вашем разводе.

– Вот именно! Это я и пытаюсь тебе втолковать. Он сейчас мой, понимаешь? Да, он кружится с этой Леной, лжет мне в глаза, но рано или поздно он все равно придет сюда, домой. Мы с ним сядем за стол, поужинаем, выпьем, поговорим, и он останется спать в своей кровати, понимаешь? Потому что он мой муж. И эта Лена, как ни крути, ревнует его ко мне.

– Могу себе представить эти разговоры о тебе, – фыркнула Катя, сощулив презрительно глаза. – Уж лучше бы тогда его убила.

Я убивала мужа несколько раз. Планировала убийства по-настоящему. В моей квартире в потайном ящике старинного письменного стола есть даже коробка, где я храню все, что купила специально для такого случая. Цианид, к примеру. Он остался в нашей семье от моего деда, военного хирурга. Уж не знаю, где он его раздобыл, но то, что это был страшный яд, мы с мамой знали всегда и всю жизнь перекладывали его с места на место, чтобы подальше, надежнее спрятать.

Маленький пистолет, заряженный, между прочим. Его зарядил для меня один знакомый, который – я это точно знаю – никогда меня не подставит и не проговорится. Я объяснила ему, что купила пистолет исключительно для самообороны. На самом же деле я собиралась пустить

его в ход ровно год назад, сразу же после того, как мой сыщик положил передо мной пачку порнографических фото с Сережей в главной роли. Его любовницей тогда была журналистка с пышной грудью, длинными ногами и зелеными глазами. Эти глаза и глаза моего мужа впивались в меня с каждой журнальной обложки, стоило мне выйти на улицу и спуститься в метро. Оба зеленоглазые, страстные, смелые, нахальные. Мысленно я уже давно застрелила обоих.

Я собиралась убить мужа в Париже. Пристрелить где-нибудь в злачном месте, в районе, кишашем арабами, чтобы уж точно никто не подумал на меня. Но это не все – я распланировала все допросы, все интервью, даже шум в Интернете, даже скандалы в полиции и то, как я заявлю им, мол, ни черта-то вы не ищите убийцу моего мужа! Я прямо видела заголовки французских газет: «Tué par le celebre acteur russe» («Погиб известный русский актер»).

Все это произошло накануне открытия моего второго ресторана, который я назвала «Консуэло». Так много сил и средств было потрачено, что я к тому времени, когда должно было произойти убийство, просто выдохлась. На открытие ресторана пришли все, кто за эти годы стал постоянным гостем в «Мопра». Поначалу это были исключительно женщины, причем не только из артистических кругов, но и настоящие бизнес-леди, но постепенно мой ресторан привлек и мужчин. Уж не знаю почему, но один зал каждый вечер был заполнен молодыми художниками. Два других – артистическая публика попеременно с чиновниками самого высокого ранга. О киношниках не говорю, к ним я всегда относилась особенно тепло.

«Консуэло» – ресторан в два раза меньше «Мопра», но он так оригинален во всем, что связано с оформлением, что, по словам Кати, стал сценой для спектакля по мотивам Жорж Санд. Сюжет «Консуэло» вдохновил художника-декоратора, которого я выписала специально из Италии, превратить два небольших зала в иллюстрацию к роману. Италия, Богемия, Пруссия, Чехия, Австрия – куда только судьба не закидывала дочку цыганки Консуэло, прежде чем она стала известной певицей, а впоследствии и графиней Рудольштадтской. Стены ресторана украшали настоящие фрески, и на каждой – сцены из жизни одаренной волшебным голосом девочки, той самой маленькой Консуэло.

Словом, я была утомлена открытием ресторана, поэтому мой муж Сережа Голт остался жив.

2

Итак, тот последний вечер, когда я видела его живым.

Ко мне пришла Катя и принялась уговаривать меня развестись с мужем. Она говорила совершенно правильные вещи, которые я сама бы сказала себе, если бы не была так влюблена. Но что делать, если мой разум, по крайней мере, та его часть, что должна контролировать любовь и страсть, не пропускала ничьих советов, никаких доводов. Хорошо еще, что мой рас-судок целиком не был парализован. Я продолжала вести дела, постоянно думала о развитии бизнеса, мои рестораны процветали.

Чтобы заполнить себе Сережу хотя бы на вечер, я решила подарить ему машину. Еще одну. Я представляла, как засияют его зеленые глаза в предвкушении такого подарка, и ничего криминального на этот раз не замышляла. Ничего похожего на сцену аварии, разбившей мой предыдущий брак, ту самую сцену, подсказанную мне воображением или интуицией. Я видела в воображении лишь Сережу за рулем новенького авто, лавирующего по парижским улочкам. Солнце играет в его волосах, а в темных очках отражаются подсвеченные солнцем мелкие суденышки на канале Сен-Мартен, рядом с которым и располагалась наша квартира.

Я позвонила ему и, сдерживаясь, чтобы не дай боже не выдать волнения, не упрекнуть за долгое отсутствие, как бы между прочим сказала, что намерена сегодня за ужином обсудить покупку еще одной машины. Напомнила о предстоящих гастролях (как будто бы он мог об этом забыть), посетовала, что без машины в Париже трудновато, ведь машина – это все-таки свобода, и на всякий случай спросила, сможет ли он вернуться к ужину в восемь. Сережа мой, вероятно, тоже сдерживаясь, чтобы не поцеловать трубку, сообщил, что непременно будет. Даже поинтересовался, не купить ли чего к столу. Я сказала, что все есть, но бутылка хорошего красного вина лишней не будет.

Мы редко ужинали дома. Обычно по вечерам мы встречались в «Мопра», куда Сережа никогда не приходил один, за ним вечно увязывались его друзья-артисты. Понятное дело, все усаживались за наш столик у камина, а потому никто и никогда за ужин не платил, сколько бы ни было заказано.

– Наташа, я вот все жду, когда же у тебя закончится терпение! – Моя Катя возмущалась и снова была права. Счета были огромными, его дружки-артисты (не говоря уже об артисточках) заказывали, не стесняясь, самые дорогие блюда – считали, что в нашей семье денег много, не пообедем. Конечно, они смеялись за моей спиной, я чувствовала это кожей.

Для меня не было тайной, что женское окружение моего мужа возмущается тем обстоятельством, что мне не удастся похудеть. Но мне действительно не помогали ни диеты, ни таблетки, ни прочие средства, какими изводят себя полные женщины. Мой врач сказал, что я похудею, когда организм сам этого захочет. Вот еще один мошенник, и попробуй проверь его слова.

Я решила приготовить спагетти с трюфелями. Набросив фартук, я хлопотала на кухне, то и дело поглядывая на часы и стараясь представить наше с Сережей свидание. Как он себя поведет? Будет ли ласков? Что скажет? Позволит ли себе расслабиться и помечтать о машине? Спросит ли, о какой марке идет речь и позволю ли я ему выбрать модель? Честно говоря, мне было все равно, но я видела своего мужа в открытом кабриолете почему-то непременно цвета бутылочного стекла.

Хорошо, вот мы поужинали, допили вино, поговорили, определились с моделью. Что будет потом? Он встанет, поцелует меня в лоб, скажет, что у него встреча, и уйдет? Такое может случиться? Может. Он способен на это.

Интересно, как он вообще ко мне относится? Время от времени он говорит, что любит меня, что мы с ним родные люди и что он пропал бы без меня. Увы, я знаю, что все это слова. У меня имеются записи его разговоров с любовницами, с коллегами. Удивляюсь, как у меня еще сердце не разорвалось. С ними, с теми он называет меня «моя кубышка», «мой жирненький слиточек», «моя колбаска». И всегда добавляет, что только здоровый цинизм позволяет ему все еще жить со мной под одной крышей. Что нынче время такое, кризис, и ему ничего не остается, кроме брака со мной. Что я при всех своих недостатках (среди которых, оказывается, и алчность!) все-таки человек верный и относительно порядочный. Что случись что – я его не брошу.

Записи, доставленные моим сыщиком, я никогда не слушаю дважды. Одного раза хватает, чтобы покраснеть как вареный рак, покрыться потом и разрыдаться. Вот в такие минуты и рождаются мысли об убийстве. И когда я представляю, что Сережи нет, что его больше никогда не будет и что я буду свободна от этой убивающей меня любви, в правой стороне груди у меня начинает биться еще одно сердце, наверное, запасное, и мне становится легче дышать, кровь ударяет в голову, и я просто пьянею от счастья.

– Ната?

Сказать, что я удивилась, увидев вместо Сережи Катю, – это ничего не сказать. Я стояла, задумавшись, у накрытого к ужину стола, нарядная, в черном, плотно облегающем платье, на каблучках, с ниткой жемчуга на шее, и даже не поняла, что происходит.

– Дверь была открыта, – пожала плечами Катя.

Она осмотрела меня с головы до ног, кивнула.

– Как?

– Отлично! Хочешь муженька в койку затащить?

– Ага.

– Паршивый план, я тебя предупредила.

– А ты как вошла-то?

– Говорю же, открыто было.

– Ох, забыла совсем, я же мусор выбрасывала. А ты что?

– Волнуюсь за тебя. Подумала, что ты... – Она явно подбирала слова.

– Катя! Говори!

Я только сейчас заметила, что на ней рабочая одежда. У меня волосы на голове зашевелились. Мы с ней понимали в эту минуту друг друга без слов – все говорили наши взгляды.

– Нет, Катя. Это не то, что ты подумала. И неужели ты действительно считаешь, что я способна на это?

– Извини. Я просто хотела помочь.

В глазах ее стояли слезы. А меня вдруг охватил такой ужас, что я еще какое-то время стояла, не в силах произнести ни слова.

– Я не убийца, – прошептала я, глотая слезы и понимая, что, даже если тушь сейчас не потечет, все равно в глазах защиплет, веки покраснеют. – Иди домой, Катя. Все в порядке. Ты не должна была приходить.

– Ладно, прости. Я хотела помочь.

Она ушла, а я еще какое-то время стояла, приходя в себя.

Что ж, поделом. Нечего было делиться с ней своими бредовыми фантазиями и рассказывать, как я убиваю в мыслях мужа. Надо же, пришла помогать мне избавляться от трупа! Я поняла это, когда ее мысли перетекли в мои. Но как натурально выглядели все мои приготовления к убийству! Зачем, зачем я посвящала ее в свои планы, как я посмела взвалить на нее этот бред? И неужели она не понимала, что все эти разговоры, яды, пистолеты, все фантазии

на тему убийства – всего лишь выплеск моего отчаяния? Да, я готова мысленно убивать мужа, но только чтобы сердечная боль притупилась.

Я услышала, как за Катей захлопнулась дверь. Оглядела накрытый стол. Вино, лимонный фарфор, бокалы из богемского стекла, черный виноград, салат с сельдереем, яблоками и орехами – все как он любит.

На плите тихонько кипит вода для спагетти.

Без пяти восемь раздался звонок, и я пошла открывать.

Сережа стоял с букетом красных роз. Черные джинсы, белый тонкий джемпер, на бледных щеках румянец, а глаза смотрят так, как если бы он увидел любимую девушку после года разлуки.

– Ната, дорогая, ты уж прости меня, совсем заработался. – Он протянул букет, бросился ко мне и поцеловал в обе щеки. – Тяжела и неказиста жизнь народного артиста!

Я терпеть не могла эту его пошловатую присказку.

– Сережа! – Я обняла его, прижалась щекой к его груди. Вот оно, настоящее счастье, когда мы вдвоем, когда нет вокруг этой толпы друзей, поклонников, этого театрально-киношного люда, считающего Сережу своим, хотя он мой и только мой.

– Как дела? Все хорошо?

– Да просто отлично! Скоро закончим павильонные съемки и поедem в Крым.

Он снимался в кино, где играл русского дворянина, соблазнившего юную соседку. Продюсерами этого фильма были наши знакомые, муж и жена Паравины, крепко повязанные с семьей нефтяных миллиардеров. Те с удовольствием принимали участие в разного рода кинопроектах, но светиться не желали. Думаю, на закрытых вечеринках они с упоением рассказывали, кого из известных артистов им удалось заполучить для нового фильма, показывали черновой материал и будто бы вскользь упоминали российских и европейских звезд, с которыми им довелось свести знакомство. Саша Паравина обожала Сережу и приглашала его во все свои проекты. Не думаю, что между ним и этой худой прокуренной старухой, увешанной бриллиантами, были отношения. Хотя когда мы с ним купили квартиру в Париже, ему, я знаю, доставляло особое удовольствие навещать их в квартале Маре, который они облюбовали. А я – я радовалась, что смогла предоставить ему такую возможность.

– Да работая с Паравинами, он скоро станет зарабатывать столько, что купит себе квартиру рядом с ними, – горько вздыхала моя Катя. – И что тогда будешь делать?

Она всегда говорит мне правду в глаза. Только нужна ли мне эта правда?

– Я так рада за тебя. – Я еще крепче прижалась к нему. – Мой руки и садись за стол. Через пятнадцать минут спагетти будут готовы.

– Слушай, я так соскучился по тебе. – Он поцеловал меня в макушку. – Ты так хорошо пахнешь. Что это за духи?

Я назвала, прекрасно зная, что он тут же забудет, что ему все равно, как называются мои духи. А уж сегодня, когда его голова занята предстоящей покупкой машины, он вообще ничего больше не способен воспринимать. Мысленно он уже катается по улицам Парижа на своем авто, ослепляя всех направо и налево своей улыбкой.

– Я тоже соскучилась, – сдержанно проговорила я, высвобождаясь из его объятий, чтобы пойти на кухню, где у меня уже почти выкипела вода.

– Куда же ты? – Он последовал за мной. Поймал меня в дверях, прижал к стене и принялся осыпать поцелуями мое лицо, шею... Он был груб и нежен одновременно, и я была бы счастлива, если бы это случилось в любой другой день. Но не тогда, когда я собралась ему рассказать о планах, связанных с покупкой этого проклятого кабриолета!

Дрожащая, голая, я стояла в коридоре и чувствовала себя почему-то униженной. Словно меня использовали, выпачкали, надругались надо мной. Первый раз я испытывала нечто подобное. В горле застрял ком, по щекам текли слезы. Хорошо, что Сережа этого не видел, он уже плескался в душе.

Я подобрала с пола одежду, бросилась в спальню, накинула халат и поднялась на второй этаж, в другую ванную комнату. Мне не хотелось уже ни ужинать с мужем, ни тем более покупать ему машину. Уж слишком грубо он сыграл свою роль благодарного супруга. Однако и ссориться с ним было не в моих планах. Да, я по-прежнему хотела, чтобы он оставался моим мужем. Чувство собственности во мне развито с детства. Ребенком мне с трудом удавалось дружить с девочками, которые просили у меня куклу, чтобы поиграть час-другой. Да, я понимала, что отдаю лишь на время, но одна мысль о том, что мою Риту, мою любимую куклу, которую я обшивала, которой построила настоящий домик с мебелью, кто-то будет держать в руках, кто-то, не дай бог, разденет или просто оставит на ночь не в постели, а где-нибудь в кресле или на полу, приводила меня в ужас. Сейчас мне кажется, что это вовсе не жадность, а высокое чувство ответственности за все, что принадлежит мне.

Эту ответственность за самых близких, за мужей и Катю, я развила непомерно. С мужьями все оказалось проще – они принимали мою заботу и щедрость с легкостью и благодарностью. С Катей оказалось сложнее, но об этом я расскажу позже.

Мне оставалось проглотить досаду после этого любовного акта, единственным минусом которого была его несвоевременность, привести себя в порядок и наконец заняться спагетти.

Сережа вышел к столу свежий, довольный, подарил мне одну из актерских улыбок и занял свое место во главе стола. Да, во главе – я всегда подогревала в мужьях чувство собственного достоинства, подыгрывала им что было сил, чтобы вознести их до небес.

Я разложила горячие спагетти болоньезе по тарелкам, щедро посыпала тертым пармезаном. Сережа разлил вино.

Мы начали есть молча, сосредоточенно, и каждый, понятно, думал о своем. Сережа наверняка злился, что я тяну с разговором о покупке машины. Я понимала, что надо помучить его, подразнить за то, что он сделал со мной в коридоре. И чем дольше я думала об этом, тем отчетливее понимала, что он только сыграл одну из своих коронных эротических сцен. Еще одна мысль обожгла меня: я вдруг осознала необыкновенно ясно, что к партнершам по сцене или съемочной площадке он относится куда нежнее, чем ко мне, своей жене.

Конечно, я знала, что он не любит меня, но в тот вечер ощутила это как-то особенно остро.

Я вспоминала Сережины роли в фильмах, где его партнершами были известные красавицы (одна Вера Купцова чего стоит!), и вдруг почувствовала, что становлюсь еще меньше ростом, что тело мое заплывает жиром, а грудь неприлично растет. Спагетти застряли в горле, я подавилась, закашлялась, а Сережа... он даже не подал мне воды. Я заметила вдруг, как он на меня смотрит – брезгливо, презрительно. Я схватила бокал с вином, глотнула, отдышалась. И решила, что не стану покупать ему машину. Да, а еще на меня вдруг снизошло озарение: как же сильно я могу ему навредить с его гастролями, а заодно испортить отношения с Паравиными! Просто уничтожу его паспорт, и все. Он не успеет его восстановить и получить визу до отъезда на съемки. А после того, как я объявлю о том, что передумала покупать машину, он разозлится и легко догадается, чьих рук дело его испорченный паспорт. Будет скандал, после которого он наверняка потребует развода. Да, Катя права, сейчас, когда у него три контракта и все связаны с Паравиными, он действительно может возомнить, что достаточно богат, чтобы бросить меня. Точнее, избавиться от меня.

Всякий раз, когда я представляла себе наш развод, я чувствовала, что задыхаюсь. Становилось невыносимо при мысли, что моего мужа, как куклу Риту, кто-то раздевает. Кто-то поль-

зуется его прекрасным телом, дотрагивается до его нежных и сильных мест, кто-то прижимает его к себе во сне, как любимую игрушку, идет с ним под руку под восхищенные взгляды толпы. Это было просто невыносимо.

«Если ты купишь ему машину, будешь выглядеть в его глазах полной дурой», – я словно услышала Катин голос.

Я не знала, что делать.

– Так что там с машиной? – Он все-таки налил воды в стакан и протянул его мне после того, как я уже прочистила горло вином. Голос его звучал спокойно, как если бы речь шла о покупке пылесоса. – Ты определилась с маркой?

Но я не успела ответить – зазвонил его телефон. Не просто зазвонил, а взорвался первыми аккордами вальса «На прекрасном голубом Дунае». Сережа вздрогнул. Думаю, он даже разозлился на того, кто помешал ему услышать мой ответ. Но стоило ему бросить взгляд на экран телефона, как лицо его сразу приобрело выражение, которое я не забуду никогда. Это было блаженство в высшей степени, он на глазах превращался в ангела. Взгляд его устремился куда-то в вечность, туда, где нет ничего, кроме радости, губы сложились в улыбку, не дежурную, а почти детскую, нежную. Он вообще перенесся в этот момент в другое измерение, куда мне вход был строго-настрого запрещен. Звонила она, Лена, старшеклассница с длинными ногами, острыми грудями и крепкой попкой.

– Да, я понял. Буду через полчаса.

Он отключил телефон и уставился на меня. Наконец вернулся в реальность, где перед ним сидело чудовище с лицом горячо нелюбимой жены. У него даже глаз начал косить, что свидетельствовало о крайней степени нервозности.

– Ты никуда не поедешь, – тихо сказала я. – Останешься ночевать дома. Скажи этим своим... режиссерам, операторам и гримершам, что у тебя семья. Иначе, Сережа, я решу, что ты завел любовницу, и никакой машины не будет.

Брови его взлетели вверх. Он протянул руку, чтобы взять мою. Крепко сжал мои похолодевшие от такой дерзости пальцы. Я и сама не знаю, как решилась на такое. Хорошо еще, я не сказала в открытую, что прекрасно знаю, что любовница у него как раз есть.

– Хорошо, как скажешь. Действительно, что это они? Только недавно же расстались...

Я не поняла, кого он имеет в виду, сочиняя на ходу ответ, – Лену или своих коллег.

– Перезвони и объясни, что не приедешь, – наседала я.

– Как скажешь, любимая. – Губы его растянулись в улыбке. Нехорошая улыбка.

И мне захотелось его убить. Я мысленно извлекла из тайного кармана пистолет, тяжелый и гладкий на ощупь, прицелилась в правый глаз Сережи и выстрелила. Звук получился таким громким, что я вздрогнула и зажмурилась, а когда открыла глаза, все вокруг было забрызгано кровью и чем-то розовым, непонятным...

– Это мои мозги, – сказал потерявший полголовы Сережа, небрежно смахивая пальцами с рубашки это липкое розовое крошево и глядя на меня уцелевшим левым глазом, потемневшим до цвета бутылочного стекла.

– Я должен попросить у вас прощения, но сегодня я не смогу приехать. Просто вылетело из головы: мы с Наташей сегодня приглашены. Не могу не пойти. Сами знаете: иногда самая скучная вечеринка может оказаться кстати. Я потом объясню. – Все это он произнес в трубку, не сводя с меня глаз. Его взгляд в эту минуту был таким холодным, что в гостиной запахло морозом, а часть моего лица онемела, словно припорошенная инеем.

Когда я начинаю описывать Кате свои ощущения и делюсь впечатлениями, она всегда говорит, что во мне умерла писательница и что моя любовь к Жорж Санд не случайна. Воз-

можно, во мне течет ее кровь или в моем теле поселилась ее прекрасная душа. Но я знаю, что это не так. Я вообще не умею писать, сколько раз уже пробовала. Но мир я вижу в красках, этого не отнять.

Как же ты, любимый, хочешь получить эту машину! Теперь я впала в отчаяние уже окончательно. Еще вернее, зашла в тупик.

Открыв ноутбук, я показала Сереже модели, которые мне приглянулись. Конечно, если бы я покупала машину для себя, наверняка выбрала бы ретро, но Сереже больше подходили «Мерседес-Бенц» или «Альфа Ромео», тоже черного цвета.

Как ни странно, наши вкусы сошлись – ему тоже понравился «Мерседес-Бенц». Мы мирно поговорили о предстоящей покупке, я заверила, что Андрей Куценко, парижанин и мой всегдашний помощник в европейских делах, займется документами.

– И на чье имя будет оформлена машина? – Сережа очень старался, чтобы голос не выдал его напряжения.

– На твое, конечно. – В эту минуту я мысленно рассталась с чемоданом денег, потому что сразу представила себе зал суда, бледное лицо судьи в парике и деревянный молоточек, одним ударом разбивающий мою жизнь и любовь.

– Спасибо, дорогая.

Он даже помог мне собрать тарелки.

У нас приходившая прислуга, которая всегда убирает под моим или Катиним присмотром, поскольку я не хочу, чтобы чужая женщина совала нос в мои вещи, бумаги и дела. На уборку я даю ей всего два часа, и за это время она должна успеть многое. За хорошую работу я хорошо плачу.

В тот вечер, понятное дело, никакой прислуги не было, и Сережа принялся разыгрывать любящего супруга, вернувшегося после рабочего дня к жене. Мы с ним убрали на кухне и отправились в спальню смотреть телевизор. Разделись, расположились на высоких подушках, я принесла блюдо с клубникой. Повторять любовную сцену у него, само собой, никакого желания не было. Да и зачем, машина-то, считай, в кармане. Оставалась глупейшая американская комедия о двух идиотах, которые никак не могут найти чемодан с миллионом.

Потом Сережа как-то быстро уснул, а я все не знала, чем себя занять. Осознание того, что я живу во лжи, что меня не любят и не ценят, только используют, что у моего мужа с полдюжины любовниц, одна из которых настолько юна, что уже одним этим причиняет мне боль, – все делало меня глубоко несчастной. И жить с мужем было уже невыносимо, и развода я не хотела. В какой-то момент захотелось выйти на балкон и закричать во весь голос. Чтобы сорвать горло. Чтобы выплеснуть боль и напряжение. Чтобы освободиться.

Можно было хлебнуть коньяка, но Катя как-то предупредила меня, что если я стану глущить боль алкоголем, то быстро скачусь в пропасть. Она описала мою жизнь в обнимку с бутылкой довольно скупно, но моя буйная фантазия тут же дорисовала всю картину. Вот я, пьяная, хожу по своему ресторану в чем мать родила, в одной руке бутылка, в другой сигарета, посетители смотрят на меня в ужасе и разбегаются. Я даже увидела заголовки в журналах «Наташа Соловей устроила дебош в ресторане «Мопра», «Что сказала бы Жорж Санд?» и «Сергей Голт поместил Наташу Соловей в психиатрическую лечебницу».

Нет, кричать с балкона я не буду. Я заварила себе чай со смородиновым листом и отрезала кусок творожной запеканки, доставленной рано утром из «Мопра». В контейнеры Олечка, помощник шеф-повара, помимо запеканки положила жареных перепелок, мягкий сыр и апельсиновое желе. Да, не очень-то я слежу за фигурой, не получается у меня.

Пришла в спальню. Сережа сладко посапывал во сне, прямо как ребенок. Я укрыла его одеялом, зная, что он даже летом любит спать в тепле, и легла сама.

Проснулась я глубокой ночью, так мне показалось, от телефонного звонка. Все мои страхи всегда были связаны с близкими людьми (Катя, Сережа, мои друзья и преданные сотрудники) или с ресторанами. Больше всего я боялась ночных звонков с известием о пожаре.

Это была Катя. Я напряглась. Взглянула на часы: всего-то десять часов!

– Катя, что случилось?

– Слушай, твой наверняка где-нибудь на съемках или еще где, – начала она, и я услышала за ее словами музыкальный фон, какую-то попсу: ум-ца-ум-ца-па. Да и голос Кати звучал весело. Куда ее занесло, мою серьезную подругу?

– Катя, ты где?

– В жизни не угадаешь! – залилась она веселым смехом. – Слушай, приезжай к нам! Здесь так весело!..

Она была пьяна, определенно.

– Мы у Машки. За городом! Здесь шашлыки и все такое. – Тут она перешла на шепот: – И здесь Вадим.

Вадим Сажин был моей первой школьной любовью, и вот он, думаю, любил меня всю жизнь. Такую, какая я есть. Полненькую, маленькую, острую на язык, немного злую и даже жестокую. Он часто говорил мне, когда мы оказывались вместе в компании: «Вот так и съел бы тебя, Натка!»

Он тоже нравился мне, но не настолько, чтобы видеть его каждый день. Он инженер, работает на крупном заводе, у него золотые мозги, и он до сих пор живет один. Высокий, худой, с глазами бассет-хаунда – добрейшей души человек, бесконечно преданный мне.

Катя, ох эта Катя! Она давно уже намекает мне, что лучшей альтернативы Сереже, чем Вадим, и не придумать. Быть может, когда я окончательно выкарабкаюсь из этой болезни, называемой любовью, я и обращу свой взор на Вадика.

– И что же Вадим?

Из спальни я уже перебралась в кухню, чтобы можно было спокойно разговаривать с подругой.

– Вадим, как всегда, один, – хохотнула она. – И спрашивал о тебе. Смотри, Натка, отобью.

– Как можно отбить то, что мне не принадлежит? Забирай.

– Послушай, ты все равно сейчас одна...

– Да почему ты так решила?

– Я твоего муженька, что ли, не знаю? Пока круг почета по всем клубам и тусовкам не сделает, домой не вернется. Время детское. Даже если предположить невозможное, что он вернется домой, это будет глубокой ночью, а то и под утро, ты сама рассказывала. Позвонишь ему и скажешь, что ночуешь у меня. Он проверять не станет, не такой человек. Зато ты, вместо того чтобы грустить, повеселишься от души. Ты же знаешь, у Машки собираются только наши. И о тебе все спрашивают. – Она перешла на шепот: – Ты не представляешь, как тебя все любят, как восторгаются твоими ресторанами! Даже те, кому не по карману твое меню...

В этом была вся Катя. Обязательно скажет правду в глаза. Но цены ценами, а настроение мое действительно было хуже некуда. Я вспомнила веселую формулу Жорж Санд о лучшей гигиене души и тела и решила отправиться к Машке.

– Я приеду, – сказала я, чувствуя, как волна радости в предвкушении встречи со школьными друзьями накатилась на меня. – Что привезти?

– Да себя привези! – воскликнула радостно Катя. – Народ, Натка приедет!

И телефон отключился. Должно быть, Катка на радостях нажала случайно на кнопку.

Я вернулась в спальню, чтобы посмотреть, как там Сережа.

Как же сладко он спал. И как красив был во сне, даже в полумраке лунной голубоватой ночи. Я едва удержалась – хотелось поставить печать своих губ на объекте личной собственности. Или нет, мне тогда хотелось поцеловать его, как целуют красивую вещь, картину, цветок.

Сейчас я жалею, что так и не сделала этого, не прикоснулась. Он остался в моей памяти таким – спящим нецелованным ангелом, свернувшимся под одеялом.

Я сняла пижаму, надела черные брюки, красную тунику из кашемира и сандалии на невысоком каблуке. К ним полагалась большая красная сумка, куда я сложила все мелочи для ночного пикника плюс легкие сигареты – я держу их для компаний или на случай особого настроения, потому что сама курю мало. Собрала корзинку с водкой, жареными перепелками, сыром, ветчиной, положила коробку норвежской маринованной селедки, еще кое-что по мелочи из деликатесов. Потом вышла из дома, тихонько притворив за собой дверь, чтобы не разбудить мужа, спустилась на лифте в гараж и выехала со двора в ночную Москву.

Москва, сверкающая, огромная, величественная и манящая, какой я ее люблю, обняла меня своими пустынными улицами и проспектами и долго не выпускала, заставляя то мчаться на огромной скорости, то петлять по улочкам, пока, наконец, я не вырвалась на просторы Подмосковья. Темно-синее небо проглотило меня вместе с машиной, в которой надрывался страстный Джо Кокер. Он, этот музыкант от бога, и вдохновил меня на эту ночную прогулку, заставил сердце биться быстрее и пробудил задремавшее было чувство. Я думала о Сергее, и по щекам текли теплые слезы.

Глупо отпираться – я ехала на встречу с друзьями, чтобы увидеть другую, нормальную жизнь. Надеюсь с ними и среди них найти ответ на мучившие меня вопросы.

Я въехала в лес, опустила окна, и в салон хлынул прохладный хвойный воздух. Где-то здесь моя веселящаяся компания, ведь я довольно хорошо помнила дорогу к Машкиному загородному дому. Но кругом было тихо, все вокруг спало. Даже лес уснул. Окна домов в проулке, куда я выбралась, тоже не светились.

Куда все подевались? Я набрала Катю.

– Где же ты? – прокричала она в трубку, стараясь перекрыть музыку.

– Как где? Я уже в Ковригине. Но здесь тишина, никого нет.

– Наташа, дорогая, что ты вдруг в Ковригине делаешь?

– Разве Машка не в Ковригине живет? – Мне показалось, что волосы на голове зашевелились змейками. Мне стало не по себе, словно я схожу с ума и медленно осознаю это. – Машка Щукина, да?

– Да, конечно, только она давно уже свой дом в Ковригине продала и купила в Улитине.

– А почему же ты мне ничего не сказала? И что мне теперь делать?

– Даже не знаю, дорогая. От Ковригина до Улитина километров сто тридцать. Ох, Натка, это я во всем виновата, честное слово. Я аж протрезвела, все равно что не пила. Но откуда мне было знать, что ты не в курсе? Вадик, представляешь?

Я отключила телефон, развернулась и поехала в сторону трассы. Подумаешь, сто тридцать километров. Я люблю дорогу, люблю скорость, люблю ночную езду, когда во всем мире существуем только я и моя машина.

Жаль, конечно, что так все получилось. Когда я приеду, все будут окончательно пьяными или такими веселыми, что и не узнают меня.

Я вежливо попросила Джо Кокера удалиться, и в салоне зазвучал Моцарт, «Волшебная флейта». Уж не знаю почему, но ария Царицы Ночи снова выжала из глаза слезу. Становлюсь без меры чувствительной или у меня окончательно расшатаны нервы.

Я решила сама позвонить Вадиму Сажину.

– Что, путешественница, куда тебя занесло? – Я услышала родной голос и улыбнулась:

– Вадик, я скоро буду. Надеюсь, вы еще не уснете к тому времени.

Он молчал, а я слушала гитарные переборы.

– Машка играет? Господи, как же давно я вас не видела!

– Ждем-с, – отозвался он. И другим, почти интимным тоном добавил: – Я тебя жду.

3

– Мы ждали тебя, как праздник. Да-да, правда! Никто особенно и не пил, так, сидели, разговаривали, пели под гитару. Машка была в ударе, она пела свои песни, такие душевные, что мы почти плакали. Она очень талантливая, Машка. И красивая.

Катя вдруг замолчала, как человек, который сказал что-то бестактное.

– Катя, ты чего? Конечно, Машка красивая.

Мы продолжали вспоминать ту ночь. Должно быть, в то самое время, когда мы там, в Улитине, пили и пели, кто-то приступил к расправе с Сережей. Или он сам проснулся и поехал куда-то, чтобы встретиться с тем, кто по какой-то причине пожелал ему смерти.

– Честно говоря, я не ожидала, что ты, моя дорогая подружка, так быстро позволишь увести себя на второй этаж.

Я до сих пор недоумевала, как это Катя решилась переспать с нашим общим другом Валей Трушиным.

– Да он мне такие стихи читал, такие слова на ухо говорил... Сама не знаю, как мы оказались в кровати. Все это помнится смутно. Меня теперь другое беспокоит.

Катя бросила на меня многозначительный взгляд.

– В каком смысле другое?

– Думаю, ты все правильно поняла.

Но я как раз ничего не поняла. Разве что логика подсказала, что может случиться после ночи с мужчиной.

– Ты что, залетела?

Это была совершенно абсурдная, на мой взгляд, версия, но она кивнула и посмотрела на меня виновато.

– Катя, я не верю своим ушам. Ты, сама серьезность, осторожность и аккуратность!

– Вот поэтому. Я же не собиралась ни с кем спать, потому и не подготовилась.

– И что ты намерена делать?

– Аборт, что же еще? Зачем мне ребенок? Я не замужем, и мне приходится самой зарабатывать на жизнь.

– Катя, пожалуйста, не говори так. Ты знаешь, я готова отдать тебе целый ресторан, только бы ты и ребенок ни в чем не нуждались!

Я говорила это вполне искренне: уж для кого-кого, а для Катки мне вообще ничего не было жалко. Она мой самый близкий и любимый человек. В сущности, ближе Сережи, хотя сравнивать их не имеет смысла – это параллельные ряды отношений, которые никогда бы не пересеклись. Но наша с ней дружба – святое.

Другое дело, что Катя никогда бы не приняла от меня ничего в подарок. Сколько раз я предлагала ей долю в бизнесе, объясняла, что мне самой будет спокойнее, если я буду знать, что часть ресторанов принадлежит ей. Но она категорически отказывалась. Я понимала ее: она не желает быть никому обязанной, даже мне, самой близкой подруге. Однако завещание я составила таким образом, чтобы все мое имущество досталось ей. Она ничего об этом не знала, не знал и Сережа. При всей своей любви к нему я не могла рисковать ресторанами и слишком хорошо представляла, что станет с моими «Мопра» и «Консуэло» после моей смерти. Сережа продаст их по дешевке, и из них сделают обычные московские кабаки. Слишком много сил и средств я потратила на них, чтобы вот так довериться моему алчному и беспринципному мужу.

До сих пор не могу разобраться в своих чувствах. Да, я безумно его любила, готова была сделать все, чтобы он только был счастлив, чтобы ни в чем не нуждался. Но мой мозг, пусть и пораженный вирусом страсти, все же функционировал и не давал мне превратиться в полную

дуру. Когда-нибудь я непременно сказала бы ему об этом завещании. Я даже представляла себе его реакцию. Думаю, он взрезал бы мне. Он такой, просто почти никто не знает его таким. Меня он, конечно, не бил, но я знаю о судьбе его первой жены: мой сыщик без труда разыскал ее где-то под Оренбургом, куда Сережа ее отправил, как в ссылку. Вот ее-то он, молодой нервный артист из Подольска, отиравшийся в павильонах «Мосфильма» в надежде быть замеченным, поколачивал. Он даже вырвал ей как-то клочок волос, и рана потом долго не заживала. Тогда ему не везло, он никак не мог найти себя, много пил, ходил по дешевым шляхам, а досаду вымещал на влюбленной в него юной жене Тане Куликовой. Кто знает, может, он ее и прибил бы окончательно, если бы его не заметили в массовке, не пригласили на пробы исторического фильма, где он сыграл небольшую роль подлеца, циничного и коварного слуги. Кто поручится, что он не сыграл в этом фильме самого себя?

Какого труда мне стоило уговорить Катю взять денег у меня, а не в банке, чтобы открыть собственное кафе. Конечно, я надеялась, что она согласится принять эти деньги в дар, но просчиталась: Катя исправно каждый месяц переводила сумму в покрытие долга на мой счет, и ничего я поделаться с этим не могла. В этом вся Катя. Единственное, что она готова была принять, – мои советы, как обустроить кафе. И еще она не отказалась дружить с моими поставщиками, которые делали ей – по моей, конечно, просьбе – немалые скидки.

И вот теперь эта беременность.

– Послушай, откуда ты знаешь, что беременна, если прошло всего десять дней? Может, это просто задержка?

– БлЮю, – кротко ответила она, опустив голову. – И это ведь не первая моя беременность. Ты знаешь, у меня дважды были выкидыши.

– Катя, давай оставим ребеночка, – взмолилась я. – Если ты не чувствуешь в себе силы растить его, отдай его мне.

Я уже видела колыбельку с качающимся в ней младенцем, и сердце мое позабыло даже об исчезновении Сережи – так я была счастлива.

– Не знаю, я подумаю. Мне тоже не хочется убивать. – У нее дрогнул голос. – Думаешь, я не хочу ребенка? Просто мне страшно.

– А Валя? Как он относится к тебе?

– Да откуда мне знать? Так, перепихнулись по пьяни.

– Не говори так! Валя хороший. И не женатый к тому же.

– То-то и оно, что не женатый. А почему? Ему за тридцать.

– Так не за пятьдесят же. Просто не встретил свою судьбу. А может, как раз теперь и встретил! Он раньше оказывал тебе знаки внимания?

– Не знаю, не замечала как-то. Да и вообще, Ната, ты посмотри на меня: кто на меня на трезвую голову польститесь? Как в том анекдоте: я столько не выпью...

Она улыбнулась краешком губ. А мне так захотелось ее обнять, прижать к себе, успокоить.

– Обещай, что пока ты ничего делать не станешь.

– Хорошо. Но что-то подсказывает мне, что я снова скину.

– А это мы еще посмотрим. Завтра же поедem к моему гинекологу и начнем действовать. И потом, надо же быть уверенной, что это действительно беременность.

Уже на последних словах я снова словно вошла босиком в ледяную воду – вспомнила Сережу. Следователь Мишин, которому я щедро приплачивала, чтобы он занимался делом моего мужа круглосуточно, приехал за нами и отвез в морг.

К счастью, убитый выстрелом в сердце мужчина не был Сережей. Но пока мы с Катей курили на свежем воздухе, к моргу подъехала машина, из которой вышла молодая женщина, растрепанная, с опухшим от слез лицом. Ее поддерживал пожилой мужчина, лицо которого

выражало боль. Они вошли в морг, и почти сразу же оттуда, из одного из открытых и невидимых нам окон, раздался душераздирающий женский вопль...

– Поедем отсюда, – сказала Катя.

– Дождемся Мишина. Он же сказал, что есть кое-какая информация.

Мишин, среднего роста молодой мужчина с умными глазами и быстрыми движениями, вышел из дверей морга бледный.

– Скажите, Мишин, из-за чего вы там застряли? – спросила Катя, переживая за меня. – Не очень-то приятно вас тут дожидаться.

– Извините. Работа. Надо было оформить опознание. Эта женщина, вы, думаю, ее слышали, тоже разыскивала мужа, и это дело, – он кивнул головой в сторону морга, откуда продолжали доноситься звуки женской истерики, – тоже мое.

Мы поехали в следственный комитет. Мишин по дороге сказал, что на нашей даче в Лобанове в саду кое-что нашли, что может как-то пролить свет на расследование. Заинтриговал нас с Катей.

Однако в его кабинете со мной случился настоящий шок. Хотя я изо всех сил старалась не показывать вида, что взволнована, что у меня паника.

Мишин рассыпал по столу фотографии, и первое мое впечатление было – порно. Какие-то голые тела, лиц не видно...

И только при ближайшем рассмотрении я вдруг поняла, что это за фотографии. Я почувствовала, как щеки мои запылали. Нет, это были не копии тех фотографий, что приносил мне в своем клюве мой сыщик, где были изображены мой муж Сережа и его любовницы. Все было куда круче и страшнее: это была я с мужчиной. Не с Сережей.

– Что вы можете рассказать об этих фото? – спросил меня Мишин скучным тоном.

Катя, которой было позволено находиться рядом, тоже внимательно просматривала фотографии. Она, к счастью, не проронила ни звука.

– Получается, что за мной следили, – сказала я после паузы, соображая, как следует себя вести, тем более что судьба сделала мне такой роскошный подарок – лица мужчины невозможно было разглядеть!

– Безусловно. Снимки сделаны на расстоянии, иначе можно было бы рассмотреть подробнее, – произнес Мишин и тут же осекся, понимая, что его слова имели неприличный подтекст. – Я хотел сказать...

– Да я понимаю. Вот только не ясно, кому понадобилось следить за мной?

– Возможно, следили вовсе и не за вами, – сказал Мишин. – Ваш муж, Наталия Андреевна, известный человек, актер!

У меня от сердца отлегло. Значит, он все-таки поверил (благодаря моей выдержке и внешнему спокойствию), что на фото изображен голый Сережа, а не мой молодой любовник.

– Да, я понимаю, но зачем снимать его со мной, со своей женой? Что в этом может быть интересного? Разве что, – тут я почувствовала, что краснею, – контраст... Вы не смущайтесь, Александр Петрович, я же понимаю, что мало похожу на кинозвезду.

– Если кого-нибудь здесь интересует мое мнение, – подала голос Катя, – то я совершенно солидарна с Натой. Какой смысл снимать артиста в постели с собственной женой? Где тут фишка?

– Не знаю, – пожал плечами Мишин. – Меня интересует другое: как пачка этих фотографий могла оказаться в саду?

– В каком еще саду?

– В Лобаново, в вашем саду.

– Хороший вопрос, – пробормотала я, понимая, что эти фотографии были заказаны Сережей, который не поленился установить и за мной слежку тоже. Он видел эти фото, переживал, злился, понимая, что я посмела изменить ему, собственному мужу, да притом с молодым парнем, и несмотря на все это, согласился в тот вечер поужинать со мной, а перед этим и зажать меня в передней, изображая страсть. И все это – ради кабриолета!

Действительно, как могли эти фотографии оказаться в саду? Кто-то бежал с ними и обронил? Но кто? Сережа? И когда? Получается, что Сережу на самом деле ищут, побывали на нашей даче, в саду. Но как они открыли ворота?

– Надеюсь, с фотографий сняли отпечатки пальцев? – спросила Катя и перебила мою мысль.

– Да, с ними уже поработали сегодня утром. На них отпечатки вашего мужа, Сергея Голта, еще следы неизвестных нам людей, их нет в базе.

Отпечатки моих пальцев Мишин взял еще неделю тому назад, когда завели дело «о похищении» Сережи.

– Ваших пальцев там тоже нет, – сказал Мишин, словно отвечая на мой незаданный вопрос.

– Естественно, откуда же им быть! – Я развела руками. – Как вы думаете, эти фотографии могут быть связаны с исчезновением Сережи?

– Следствие покажет, – сказал совсем уж убитым голосом Мишин, и по тому, как это было сказано, я поняла, что у него нет ни одной зацепки, ни одной улики, ничего! – Скажите, Наталия Андреевна, когда вы последний раз были на своей даче?

Дача в Лобанове была моим любимым местом отдыха. И я бывала там довольно часто. Но всегда либо одна, либо с Катей. Сережу туда было не заманить. Он предпочитал отдыхать на дачах своих друзей. Думаю, это из-за того, что там не было меня, поскольку я часто бывала занята и не могла составить ему компанию, чему он был, безусловно, рад. Да и вообще, наша дача не была предназначена для вечеринок, я обустроила ее специально для того, чтобы там можно было просто отдыхать в тишине и покое. Множество цветов, диванов и подушек, рояль... Нет, я бы никогда не позволила превратить мою дачу в вертеп с пьяными девками, громкой музыкой, дымом жарящихся шашлыков и шумом. Мы как-то обсуждали эту тему, и я предложила Сереже купить еще один загородный дом, где-нибудь тоже поближе к Москве, куда бы он мог приглашать своих друзей-актеров. Я сказала ему, что готова оплатить не только дом, но и платить зарплату человеку, который следил бы за порядком в доме, работал в саду, а во время пикников помогал бы Сереже встречать гостей. Но Сережа, немного подумав, отказался, понимая, что в таком доме он все равно не будет чувствовать себя свободным, зная, что в любой момент туда могу заявиться я. А так, у друзей, он мог вести себя как заборгассудитс, не опасаясь моего появления. Свобода – вот что ценил мой муж больше всего на свете (ну и деньги, конечно!).

– Я часто бываю там, но последний раз была еще до исчезновения Сережи, где-то примерно за неделю. Мы с Катей там были, привезли коробку с английскими розами, помнишь, Катя?

– Конечно, помню, – очнулась от своих раздумий моя подруга. Я понимала, о чем она думает. Пытается понять, кто мой любовник. Расспрашивать она меня не будет, не такой это человек, но изнывать от любопытства точно станет – она же все-таки женщина.

– А Сергей Яковлевич?

Я объяснила ему положение вещей.

– Однако предполагаю, что фотографии были заказаны все же вашим мужем, а потому и в дом они были привезены им, – рассуждал Мишин. – Следовательно, он был там, вопрос – когда. И зачем он туда приезжал, если, как вы говорите, он не любил там бывать.

– Да мало ли. Может, он там учил роль, – предположила я. – Там очень тихо, и все условия для того, чтобы уединиться, сосредоточиться. Я не знаю, мне он, во всяком случае, не говорил, что ездил на дачу.

– А он вообще предупреждает вас о своих передвижениях? Поездках? Планах?

– Да, конечно, – солгала я, ловя на себе осторожный недоуменный взгляд Катя. – Он же мой муж.

– Скажите, Наталия Андреевна, у вас есть любовник? – Мишин посмотрел мне в глаза твердым, немигающим взглядом. – Вы поймите, я спрашиваю вас не из праздного любопытства, просто я пытаюсь понять, кто мог желать вреда вашему мужу.

– Да вы не тушуйтесь, – успокоила я его. – Я же все понимаю. Нет, у меня нет любовника. С таким мужем было бы просто глупо иметь кого-то на стороне. Я же вышла за Сережу по любви, по большой, заметьте, любви. Так что соперника у Сережи не было и не могло быть.

Я лгала, как дышала. Спокойно, легко. Единственный человек, перед которым мне было стыдно за эту ложь, была Катя. Но зачем ей знать о моих слабостях?

– А у Сергея Яковлевича были любовницы?

– Возможно, – сказала я. – Но свечку я не держала. Сами понимаете. А тому, что пишет желтая пресса, я не верю. Точнее, не хочу верить. Меня тошнит от этих сплетен.

– Хорошо. Не уезжайте никуда из города.

– Да куда же я уеду, если Сережи нет? Вот найду его, тогда мы с ним отправимся в Париж, я же запланировала покупку автомобиля для него... – Слезы выступили на моих глазах, голос сорвался. Уж не знаю, что происходит время от времени в моей душе и голове, люблю ли я Сережу или ненавижу, но, вспоминая наш с ним последний ужин, разговор о машине, его спящего, залитого лунным светом, мне хочется плакать.

– Скажите, а как вы оказались в саду? – спросила Катя, соображая куда четче, чем я. – Там же ворота на кодовом замке.

– Так вы же в нашу первую встречу дали нам ключи, пульт... – сказал, нахмурившись, Мишин, и я, вспомнив об этом, аж зажмурилась от стыда.

– Простите... Совсем вылетело из головы.

– Да ничего страшного, вы были в таком состоянии.

– Надеюсь, ключей от своей квартиры я вам не давала?

– Нет.

Мишину позвонили. Он сказал:

– Пусть заходит.

Дверь отворилась, и в кабинет вошла девушка. В шелковом, в розах, платье, со шляпкой на голове. Длинные рыжеватые локоны спадали на плечи. Большие голубые глаза, вздернутый нос, большой, небрежно покрашенный розовой помадой рот. Она была почти красавицей, если бы не странное выражение лица, выдававшее ее психическое нездоровье.

– Здравствуйте.

– Проходите. Садитесь. – Мишин показал ей на стул рядом со мной. И, обращаясь к нам с Катей, пояснил: – Это Лиза Воронкова, хорошая знакомая вашего мужа.

Девушка тотчас вскочила, отпрянула от меня, словно для того, чтобы лучше рассмотреть. Глаза ее просто бегали!

– Вы Наташа Соловей! Жена Сергея! Я так рада с вами познакомиться! – Лиза протянула мне длинную, тонкую и бледную руку. – А я поклонница вашего мужа. Нет, вы не подумайте ничего такого. Мы – фан-клуб Сережи! Мы ездим за ним всюду, нас не так много, вернее,

много, но не все имеют возможность ездить за ним на гастроли. Но у меня вот есть такая возможность, к счастью, и господин Шерман всегда помогает нам, сообщает, когда и куда Сергей отправляется.

Шерман – это агент Сережи. Альберт Шерман, я зову его просто Аликом. Он хорошо знает свое дело, уже много лет работает с Сережей, обеспечивая ему густой план гастролей, но держится как-то в стороне от меня, словно чего-то боится. Возможно, он просто много чего знает о моем муже и боится, как бы я не начала потрошить его, выбивая из него информацию. Возможно, сам Сережа представил меня ему как монстра, акулу, опасную тварь, с которой лучше не связываться и держаться от нее в стороне. Думаю, так.

– Вы позвонили нам и сказали, что вы видели Сергея Голта незадолго до его исчезновения.

– Да! В газетах написали, что он пропал четырнадцатого июня, а тринадцатого я видела его, вот как вас! Пишут, что он вышел из театра через черный ход, что на нем был черный плащ! Неправда все это! Он вышел, как обычно, с парадного хода. На нем были черные джинсы и белый тонкий свитер, а в руках – красные розы. Мы бросились к нему, он немного поговорил с нами, после чего сел в машину и поехал. Но...

Тут лицо Лизы вдруг стало красным, а на лбу выступили бисеринки пота. Она смотрела на меня с ужасом. Потом медленно повернула голову и обратилась к Мишину:

– А можно, Наташа выйдет?

Меня, первое, покорило, что она обращается ко мне «Наташа», словно мы с ней давно знакомы. Конечно, мое имя «Наташа Соловей» стало как бы брендом, это так. Но когда мое имя звучит вот так обыденно, из уст сопливой девчонки, мне становится не по себе. Второе, она словно бы опомнилась, что я – все-таки жена ее кумира! Дошло, наконец! Маленькие шлюшки!

Мишин взглянул на меня, я категорически была против того, чтобы покидать кабинет. Не за то я плачу следователю, чтобы меня выставляли из кабинета.

И тут я почувствовала, как Катя тихонько щиплет меня за руку и взглядом косит в сторону стены, большую часть которой занимало огромное прямоугольное зеркало. Я усмехнулась. Все понятно. Мне только в кино пока доводилось видеть хрестоматийную комнату допроса с зеркалом-шпионом, установленным так, что из соседнего помещения отлично просматривается вся комната.

– Наталия Андреевна, пожалуйста, – едва слышно произнес Мишин, я тотчас встала и вышла из кабинета, Катя последовала за мной.

Мы бросились в соседнюю комнату, которая, к счастью, была открыта, и оказались в полупустом помещении с несколькими стульями и большим прозрачным окном, выходящим в кабинет Мишина. Комната была оснащена специальной аппаратурой, позволяющей слышать все, что происходило по соседству.

– Теперь мы одни. Что вы хотели рассказать, Лиза? – спросил Мишин с видом очень сомневающегося человека. Чувствовалось, что он относится к ней по меньшей мере несерьезно. Однако за неимением других свидетелей, вероятно, Мишин не побрезговал показаниями и этой, слегка сдвинутой девицы.

– Он вышел, как обычно, через парадный вход, – начала Лиза. – Постоял рядом с нами, кому-то написал что-то в блокнотах... Потом сел в машину и поехал. Я дожидалась его за углом дома, знаете, там, за театром, есть кондитерская «Брюлле», вот там мы обычно и встречались.

Мы с Катей переглянулись. В воздухе запахло клинкой, лекарствами, нездоровьем.

– Да? И что же? Он поджидал вас там?

– Да, а что в этом особенного? Он не хотел, чтобы нас видели вместе. Мы скрывали свою любовь.

– Хорошо. И что было потом? – Мишин закурил.

– Я села в его машину, и мы поехали ко мне. Я живу буквально в двух шагах от театра, на Гончарова. Живу одна, и никто мне не указ. Дом у нас старый, двор порос липами... Сережа оставил свою машину как раз под липами, мы поднялись ко мне, я предложила чаю, но он отказался. Знаете, я еще окно открыла, чтобы в комнате пахло цветущей липой... Было так романтично.

– Скажите, Лиза, вы это серьезно или придумали? – не выдержал Мишин и затянулся дымом.

– Почему это придумала? Я рассказываю вам правду. Хочу, чтобы вы не слушали этих журналистов, а поверили мне, настоящему свидетелю! Он был у меня в тот вечер, и, возможно, я видела его последняя.

– Хорошо, он не пил у вас чай, отказался. И что же вы делали?

– А вы не понимаете что, что ли? – взвизгнула Лиза, выстреливая фальшивым фальцетом. – У нас был секс! Примерно полчаса все это длилось.

Мишин швырнул ручку, она слетела со стола и, ударившись о стену, упала на плиточный пол.

– Вы думаете, мне это интересно, сколько у вас длился секс? – Он бросил извиняющийся взгляд на зеркало, а заодно и в мою растревоженную душу.

Катя слушала и смотрела молча. Казалось, рассказ этой сумасшедшей увлек ее.

– Я же рассказываю вам это все не просто так. Дело в том, что никто не знает о том, что Сережа бывает у меня почти каждый вечер после спектакля. Он бывает недолго, говорю же, в среднем около получаса. А после этого он возвращается в свою привычную жизнь. У него есть семья, жена, вы сами знаете. И официальная любовница Лена Юдина.

– А кем тогда приходиться ему вы? – спросил Мишин устало.

– Я – его любовь. Но тайная, понимаете?

– Вы можете доказать, что он был в тот вечер у вас?

– Да я могу доказать сто раз, что он бывал у меня! Я же сохраняю у себя все то, что... Вот, смотрите! – С этими словами Лиза открыла, звонко щелкнув застежкой, белую лакированную сумочку и извлекла оттуда нечто, похожее на сложенный в несколько слоев прозрачный полиэтиленовый пакет. – Там – презерватив, полный спермы Сергея Голта.

Катя, сидящая рядом со мной, можно сказать, щека к щеке, выругалась матом. Затем еще и еще раз.

– Ты веришь ей? – догадалась я.

– А ты нет? – Она удивленно вскинулась на меня. – Да она говорит о твоём муже-развратнике сущую правду! Конечно, я верю ей. Я читала кое-что по этому поводу. Некоторые мужчины предпочитают иметь дело вот с такими малахольными. Это их заводит. Знаешь, чисто механический акт, и все – чао-какао! Ни к чему не обязывающие отношения. Физиология, граничащая с извращением. Или ты думаешь, что он действительно любит эту Лизу?

Мишин между тем внимательно разглядывал лежащий перед ним предмет.

– Вы серьезно? Это презерватив со спермой Голта?

– Да. Я никогда не оставляла надежду забеременеть от него, чтобы заполучить себе его копию, понимаете? Сына, похожего на него. Но для этого нужно, чтобы это произошло в определенный день. Мне просчитали всю схему, там связано с кровью, там все сложно... Но мне-то нужен только сын, а часто получается, что мы с ним бываем в неподобающие для зачатия дни, а у меня рука не поднимается выбросить эти штучки в помойное ведро.

– Меня сейчас стошнит, – взялась за горло с брезгливой миной Катя.

Я же в мыслях медленно наводила на нее курок своего вечно заряженного пистолета. Вот тварь! Даже если она это придумала, каково мне это выслушивать?

– И много у вас этих штучек?

– Много. Целая коробка. Как гербарий. – Она засмеялась, и меня передернуло от этого почти детского хихиканья. – Когда я узнала, что Сережа пропал, я сразу почему-то подумала, что его убили. Из ревности. Подумала сразу на Лену. Знала, вот чувствовала, что будут искать свидетелей, что станут интересоваться, где он был накануне, кого видел, о чем говорил и все такое. И понимала, что мне, скорее всего, никто не поверит, что он был у меня. Поэтому я отнеслась к делу серьезно.

– В смысле?

– Пошла с этим доказательством, – она ткнула пальцем в пакетик, – в лабораторию судмедэкспертизы, попросила сделать анализ.

– Да неужели?

– Наш Мишин нервничает, – прошептала Катя. – Еще немного, и он ее ударит.

– Эти судмедэксперты меня послали, – вздохнула Лиза. – Вот поэтому я позвонила сюда и попросилась к вам, сказала, что у меня есть информация.

– Потрясающе. Но что вы можете конкретно сказать о Сергее? Вы кого-нибудь подозреваете?

– Конечно! Иначе зачем бы я сюда пришла? Он у Лены Юдиной. Все наши об этом знают, да только никто не посмел бы прийти к вам. Он либо живой, либо мертвый. Она его либо похитила, либо убила из ревности.

– Но где доказательства? Это одни домыслы.

– Да, правильно. Доказательств нет. Но то, что между ними произошел недавно серьезный разговор, это точно! Она, эта Юдина, тоже старается не светиться и редко когда подходит к театру. Они встречаются на квартире, я могу вам дать адрес, это на Масловке. Так вот, примерно двенадцатого июня я видела эту Юдину возле театра. Она стояла за углом и курила. На ней были темные очки. Я следила за ней, и в какой-то момент она сняла очки, чтобы протереть их, потому что рядом работал газонокосильщик и сыпанул на нее зеленой травяной пылью... И знаете, что я увидела, когда она сняла очки?

– Да нет, откуда же мне знать, – чуть ли не простонал теряющий терпение Мишин.

– Фингал! – торжественно произнесла Лиза.

И Катя моя снова выругалась.

4

Я посмотрела на свои руки – они дрожали. От злости. Как же я ненавидела тогда эту малахольную Лизу! Животное! Грязное животное!

Оказывается, я произнесла эти слова вслух, благо рядом была только Катя. Она положила свою руку на мою:

– Успокойся, все мужики такие.

– Да я не о Сереже, я о ней, об этой гадине! – Я вырвала свою руку, словно Катина рука была рукой Лизы. Но Катя снова попыталась меня успокоить, взяв мою руку в свою.

Между тем допрос продолжался, и Мишин, которому и деваться-то было некуда, оформил показания Лизы надлежащим образом, заставив расписаться за каждое произнесенное ею слово.

– Ты думаешь, это все правда? – чуть ли не плача, спросила я Катю. – Неужели он сразу после репетиции или спектакля сначала был с этой дурой, а потом уже, купив букет, мчался к своей так называемой официальной любовнице Юдиной? Что это такое, Катя? Это мужские дела, физиология? Или ему это нужно...

– Для самоутверждения, ты правильно подумала, – она прочла мои мысли.

– Но если он такой сильный в половом плане и ему просто необходимо это делать так много и часто, то почему он выбрал именно ее, эту Лизу?

– Говорю же. Он извращенец!

Сквозь шпионское зеркало мы видели и слышали все, что происходило в кабинете Мишина, и когда раздался телефонный звонок (дежурное пиликанье мобильного, никак не характеризовавшее личность в отличие от тех, кто программирует индивидуальный сигнал, вот как Катя, к примеру, марш из вердиевской «Аиды» или я – арию Папагено из моей любимой «Волшебной флейты» Моцарта), мы увидели, как взлетели брови Мишина в удивлении.

– Вот как? Хорошо, везите ее сюда.

Он отключил телефон и некоторое время сидел с сосредоточенным видом, глядя куда-то мимо утомленной своим подробным порнографическим рассказом Лизы.

– Что ж, спасибо вам, Лиза, за то, что вы пришли к нам и все рассказали.

– А это? – Она ткнула пальцем в пакетик с презервативом. – Что, я так и буду носить это в сумке? Или вы все же сподобитесь приложить это к материалам следствия? К тому же мне не хочется, чтобы вы думали, будто бы я сумасшедшая и все это выдумала.

– Хорошо, я приму у вас это, вот только приглашу понятых, чтобы оформить все по правилам.

– Пожалуйста!

Мишин вышел из своего кабинета и заглянул к нам. Думаю, у меня был такой жалкий вид, что он растрогался, подошел ко мне и даже положил свою руку мне на плечо. Они прямо как сговорились с Катей, разве что не тискали меня в своих дружеских объятиях.

– Мне бы очень не хотелось ей верить, но уж очень убедительно выглядит ее рассказ, – сказал он. – И я обязан принять у нее это так называемое доказательство. Екатерина Генриховна, вы не будете против, если я приглашу вас в качестве понятых?

Катя посмотрела на меня, я кивнула, и они ушли, оставив меня наедине со своими мыслями и отчаянием.

В тот момент мне казалось, что чаша моего терпения переполнилась и моя любовь внутри меня принялась выжигать все мои внутренности – так мне стало физически больно. Ну ничего не оставалось от того моего чувства, которое я прежде испытывала к своему мужу. Я мысленно расчленила его топором, обрушивая всю его тяжесть со всей силой на упругое молодое тело, вонзая острие в мякоть... Думаю, что в тот момент я была на грани помешательства от горя. Как мог он пользоваться услугами такой отвратительной шизофренички, какой была Лиза? Неужели тот факт, что она была нездорова, действительно возбуждал его? А может, она позволяла ему какие-нибудь извращения, которые он не мог получить не то что от меня, даже от Лены Юдиной? Кто знает, что может вдохновлять творческую личность?

Я открыла глаза. Катя трясла меня за плечо:

– Ната, Ната, что с тобой?

Я глубоко вздохнула, не зная, как рассказать ей, что я только что изрубила на куски коварного изменщика. Когда-нибудь мое воображение переплетется с действительностью, и тогда я уже не буду знать, что было на самом деле, а что – только в моих мыслях.

В кабинете за столом сидел Мишин и курил. Лизы не было. Видимо, увлекшись своими фантазиями, а может, и потеряв на время сознание, я упустила момент, когда она покидала кабинет, шурша своим шелковым, в розах, платьем. Не дразнила меня уже и ее легкомысленная, с шиззой, шляпка, которая удалась вместе со своей хозяйкой.

– Катя, поехали уже домой... – взмолилась я.

– Подождем еще. Минут через пятнадцать привезут одну свидетельницу, Мишин предложит нам с тобой послушать. Вдруг что-то важное?

– Ну давай, – согласилась я без особого желания. Мне хотелось на воздух, подальше от этого ужасного места, где мне пришлось испытать так много разочарования и боли. – Но потом пообещай, что поедешь со мной на дачу. Что-то мне здесь душно стало, да и Москва в какой-то миг превратилась в ад, где меня поджаривают на сковородке... Вот скажи, Катя, ты бы выдержала все это? Всех этих безумных любовниц, откровения? Она разве что не показала, что с ней делал Сережа... Ловила кайф, рассказывая об их отношениях.

– Кофе? – спросил меня наш услужливый и слегка успокоившийся после визита дамы в шляпке Мишин. Я чувствовала, как ему неловко передо мной за все то, что мне пришлось выслушать, сидя в соседней комнате.

Боясь разочароваться и в кофе, я отказалась. В машине, в холодильнике, у меня всегда имелся запас ледяной минеральной воды, да только когда я туда попаду?!

– Что за свидетель? – спросила я, плюхнувшись напротив следователя с презрительной миной.

– Официантка из ресторана «Де флер». Мой человек отправился к ней после ее звонка, сказал, что ее показания могут пролить свет на наше расследование, вернее, поиски.

Я достала из сумочки мокрую салфетку и без стеснения принялась протирать лицо. Катя последовала моему примеру. Когда шарики скомканных салфеток полетели в мусорную корзину, раздался стук в дверь, показалась улыбающаяся голова помощника Мишина, веселого проворного парнишки лет двадцати с небольшим, после чего дверь распахнулась, и в кабинет вошла, несмело ступая, невысокая девушка в коротком черном платье, поверх которого был надет маленький кружевной фартук. Волосы девушки были туго стянуты на затылке в короткий, но объемный хвостик каштановых волос. Она была довольно милая, привлекательная девушка. На ногах ее были черные кожаные «балетки».

– Меня зовут Неля Атаева, – сказала девушка, по знаку Мишина усаживаясь рядом со мной, наискосок от Мишина. – Я позвонила по телефону, какой был указан на сайте Сергея

Голта... Все знают, что он пропал, и давно. Но я видела его буквально вчера днем! Он приходил в наш ресторан с одной девушкой, пообедать. Я сама лично обслуживала их столик.

Рядом со мной произошло движение, затем раздался грохот падающего стула. Все бы ничего, но он упал вместе с Катей. Нервы!

Мы с Мишиным бросились ее поднимать, приводить в чувство. Я сама, чуть не захлебнувшись, набрала в рот теплой, тошнотворной воды из графина, чтобы брызнуть подружке в лицо.

– Катя, милая, ты что? Да разве ж так можно? – Я похлопывала ее легонько по бледным щекам. И тут я вспомнила, что она беременна. Боже, как же все это необычно, непривычно, удивительно и радостно! Я уже увидела счастливые глаза Валика Трушина, когда он узнает о том, что скоро станет отцом. Господи, как же много радостных и приятных хлопот нам теперь предстоит! Черт с ним, с Голтом, который попросту сбежал от меня... Надо же, ходит спокойно по Москве с очередной пассией, обедает, а может, и ужинает!

Катя открыла глаза, увидела меня и облегченно вздохнула. Потом мы с Мишиным усадили ее на стул, где она уже окончательно пришла в себя. Она подозвала меня к себе и шепнула в ухо:

– Живот не болит, это не выкидыш, слава богу.

Девушка Неля сидела, наблюдая за нами с ужасом на лице, вероятно совершенно растерявшись и уж никак не связывая этот Катин обморок со своим сообщением.

– Жарко, да? – тихо спросила она просто для того, чтобы что-то сказать.

– Итак, – Мишин вернулся за свой стол, сцепил пальцы рук, приготовившись выслушать посетительницу до конца. – Значит, говорите, видели его с девушкой. Это точно был он?

– Да, конечно... Я еще сказала девчонкам, смотрите, Сергей Голт собственной персоной, да еще и с любовницей. Все же знают, что он женат на рестораторше Соловей. Но только это была не Юдина.

– А вам откуда известно о Юдиной? – спросил Мишин.

– Так все пишут. И в Интернете полно снимков. А что, это неправда?

И тут она задержала взгляд на мне, нахмурилась, и в ту же секунду ее лицо начало наливать кровью. Казалось, еще немного, и голова ее бестолковая треснет. На кончике носа Нели образовалась прозрачная капля пота, которую она незамедлительно смахнула.

– Ой, извините, – прошептала она, отворачиваясь и делая движение в сторону двери, как будто собиралась сбежать.

– Да ничего, девушка, – ответила я тоном женщины, давно уже привыкшей к изменам мужа и снисходительно к этому относящейся. – Все нормально.

– Ах, ну да! – Она вдруг переменилась в лице, глаза ее засияли. – Он жив, вот что главное!

Мы с Катей переглянулись, охваченные, думаю, одним и тем же чувством счастья: Сережа жив! Пусть он перелюбится со всем женским населением Москвы, подумала я, лишь бы то, что рассказала официантка Неля, оказалось правдой и мой муж оказался жив и здоров! И если уж он так хочет развода, то он его получит.

Вот на такой радостной волне, оставив за спиной мрачные воспоминания после посещения морга с чужими трупами и страхами увидеть остывшее тело мужа, направив свои мысли на Катю, беременность которой должна была наполнить наши с ней жизни новым смыслом, я и собиралась расстаться уже с Мишиным. И тут снова раздался звонок. Мишин буквально несколько минут слушал, после кивнул и вздохнул, отключая телефон.

– Нам прислали видео с камеры наблюдения банка, расположенного как раз напротив вашего кафе, – обратился он к официантке Неле. – Действительно, вчера в половине первого,

в обеденное время, в ваше кафе зашел человек, удивительным образом похожий на Сергея Голта, но это, к сожалению, не он. Вы можете идти.

Неля поднялась, извинилась и, уверена, стгорая от стыда, выбежала из кабинета.

Я окаменела. Просто потеряла способность двигаться или что-либо говорить.

– Катя...

– Ничего, подождем еще, – сказала Катя, помогая мне подняться со стула. – Пойдем.

– Мне жаль, – развел руками Мишин, поднимаясь из-за своего стола. – Но будем искать.

– А это точно не он? Может, стоит и нам взглянуть на это видео? – спросила Катя.

– Да там довольно хорошо видно, что это не он. И ростом этот мужчина пониже, и вообще не он. Если вы хотите, мы можем предоставить вам это видео, не проблема.

– Да, я хочу, – сказала я тоном капризного ребенка, понимая, что веду себя глупо. Разве что ногой не притопнула.

Катя, понимая, что у меня сейчас начнется истерика, подхватила меня под руку и вывела из кабинета.

– Семь кругов ада, Катя, – прошептала я, глотая слезы и опускаясь по стеночке вниз, поскольку ноги мои меня уже не держали. – Семь кругов.

– Нельзя здесь, поднимайся, Ната. Я готова поехать с тобой в Лобаново. Вот только к Юре заеду, предупрежу его, что уеду. Не переживай, Ната, все будет хорошо.

Она села за руль.

Я смутно помню, как мы заезжали в «Цахес». Кафе на удивление было полно посетителей. Многих я знала в лицо – это были актеры из театра «Скорлупка». Надо сказать, что театр этот был необычным, экспериментальным и, на мой взгляд, удивительным. Режиссер Алик Туманов собрал под одной крышей людей невероятно талантливых буквально во всем. Каждый артист обладал, помимо яркого артистического таланта, умением играть на каком-нибудь инструменте, петь и танцевать. Туманов сам писал пьесы для своего театра, и все они были не похожи одна на другую. Были пьесы, написанные в классическом, традиционном духе, а были удивительные, странные, оригинальные, с какими-то потрясающими декорациями, задумками, которые неизменно приводили в восхищение зрителей, полюбивших этот театр буквально с его первой постановки. Кроме этого, Туманов довольно часто вводил в свои спектакли настоящих животных: собак, кроликов, лисиц, а главным персонажем одного из самых потрясающих спектаклей была лошадь, которая прежде была человеком. Для таких спектаклей животных специально дрессировали, но, участвуя в спектаклях, в большинстве своем играли с использованием поводка. Содержались животные в специально построенном для них флигеле театра, где за ними ухаживал целый штат сотрудников.

Катя и сама была поклонницей режиссера, не пропускала ни одной премьеры и, занимаясь рекламой своего кафе, активно рекламировала и «Скорлупку».

Одним из достоинств кафе «Цахес», помимо оригинального меню, были дешевые цены. Если бы не эта его приятная особенность, вряд ли здесь собиралось столько народу. Понимая, что актеры – народ небогатый, Катя тщательным образом продумывала меню, чтобы, во-первых, это было вкусно и быстро, во-вторых, недорого. Так, к примеру, в меню было тринадцать видов бутербродов, которые делались быстро и продукты для которых стоили сущие копейки. Салаты – свекольный и морковный – вообще практически ничего не стоили, но всегда шли на «ура». Селедку, которая шла классической закуской к водке, Катя засаливала сама, а потом замораживала, что позволяло ей значительно экономить. В подвале кафе стояли бочки с солеными помидорами и огурцами, что также стоило недорого, но раскупалось опять же как закуска к алкоголю. Но весь этот гастрономический дешевый рай продолжался ровно до два-

дцати двух часов, после чего все бутерброды убирались (вернее, продавались по смешной цене одной предприимчивой барышне, открывшей по соседству небольшой пансион для пенсионеров), и на витрине появлялись дорогие рыбные и мясные деликатесы, икра. Это было время для всех тех, кто, несмотря на дороговизну, приходил сюда уже по инерции, с любовью к «Цахесу», чтобы отметить какое-нибудь событие, пропить гонорар с друзьями, а то и просто душевно и дорого напиться.

И все, абсолютно все в этом кафе делал Юра, молчаливый и работающий красивый мальчик, по сути, душа этого кафе. Он готовил бутерброды, салаты и делал это со вкусом, удовольствием, фантазией. Тщательно продумав техническое оснащение кухни, он сделал так, что всю тяжелую и муторную работу за него делали машины. Он же и прибирал в кафе, вечерами делая заготовки на следующий день, продумывая, чем бы еще удивить своих постоянных посетителей.

Мы появились в «Цахесе» в тот момент, когда Юра, буквально разрываясь между барной стойкой и черным ходом в кафе, принимал продукты, носил сыры (красные, оранжевые и желтые кругляши) и укладывал их в кладовку.

– Почему не возьмешь кого-нибудь ему в подмогу? – каждый раз спрашивала я Катю, наблюдая подобные сцены.

– Чужие будут воровать, – отвечала она мне каждый раз одной и той же фразой. Я знала мнение Юры на этот счет – он был полностью согласен со своей теткой, не желал терпеть рядом с собой кого-то еще.

– А это ничего, что у парня совсем нет времени на личную жизнь?

– Пусть он только скажет мне, что ему нужен помощник, как я сразу же все устрою. Но он пока молчит. К тому же, не забывай, он выплачивает кредит, ему уже немного осталось. И вообще он молод и полон сил.

Юра запер кладовку и вернулся к бару, где мы поджидали его, устроившись на высоких стульях. В зальчике за столиками сидели посетители и закусывали бутербродами с кофе. Один знакомый артист с опухшим лицом подошел к стойке и заказал Юре свекольный салат, пиво и вареные яйца. Тот быстро и вежливо его обслужил.

Я бросила на Юру взгляд, полный нежности. Если бы только Катя знала, на кого он, этот чудесный мальчик, растрчивает свою последнюю ночную энергию! Мне даже страшно представить, что будет, если она узнает о нашей с Юрой тайне...

– Мне водки, – сказала я, чувствуя, как слезы закипают, а в грудь словно вбили кол. – Что-то тяжелый выдался сегодня денек.

– Да уж, – кивнула Катя, – не простой. Но ты особенно-то не напивайся.

– Катя, когда это я напивалась? – Я готова была уже обидеться, но не успела, хлопнула сразу пару рюмок хорошей дорогой водки, закусив бутербродом с черной икрой, мгновенно приготовленным мне Юрочкой сейчас, середь бела дня, вопреки заведенным здесь правилам. – Поехали в Лобаново уже.

На голодный желудок водка распоясалась и разлилась по всем моим жилам, пока не ударила в мою и без того больную голову. Пока Катя отлучилась на склад, а Юра протирал столик после ухода посетителей, я позвонила Грушеньке, цыганке, которую очень любила и песни которой так любила слушать под настроение. Грушенька со своей семьей выступала на корпоративах, свадьбах, ее приглашали в рестораны, а когда в Москве не было работы (цыганских коллективов в Москве великое множество!), они выезжали выступать в глубинку. Я всегда знала, что рано или поздно они еще проявят себя и, быть может, когда-нибудь откроют свой маленький театр.

– В Лобаново, прямо сейчас, – сказала я Грушеньке. – Купите водки и закуски, сладостей разных. Сами знаете. Я жду.

Когда вернулась Катя, я как ни в чем не бывало собиралась, подкрашивала губы, собираясь выйти.

– Что-то не нравится мне твой взгляд, – сказала Катя, усаживаясь за руль и поглядывая на меня с подозрением. – Тихая какая-то. С тобой все в порядке?

– Очи черные, – тихонько запела я, глядя в окно. – Очи страстные...

– Все ясно. Приедем домой, примешь душ и спать. День действительно выдался тяжелым. Сначала труп в морге, потом Мишин, Лиза, Неля. Да еще эти фотографии странные. Но ничего, говорю же, все будет хорошо, найдется твой пропащий гулящий муженек.

– Ты делаешь мне больно, – заметила я и, набрав в легкие побольше воздуха, вдохновенно пропела: «Как люблю я вас, как боюсь я вас...»

– «Знать, увидел вас я не в добрый час!»

Гостиная моего еще недавно такого тихого дома в Лобанове была полна цыган. В роскошных ярких костюмах они расположились на моем ковре, креслах, стульях, диване, и брат Грушеньки Рома, черноволосый красавец с пылким взглядом, уже во второй раз проникновенно, душевно исполнял мой любимый романс, вот только он назывался не «Очи черные», а «Очи зеленые».

Мой дом, выпотрошенный неизвестными (меня попросту обворовали!), превратился в настоящий вертеп! Мне не было дела до того, что именно вынесли, поскольку в тот момент, когда мы приехали туда, меня интересовало только одно – чтобы поскорее приехала Грушенька. Пока есть настроение, пока не уснула! Я даже не сразу поняла, что случилось.

– Дверь распахнута, твой здесь! – произнесла взволнованно Катя, когда наша машина остановилась перед распахнутыми воротами. – Ну вот, я же говорила, что все будет хорошо! Вон и двери тоже раскрыты!

– Ну и дурак, – проговорила я с трудом, имея в виду Сережу. Язык меня не слушался, жара, водка сделали свое дело. – Там же кондиционеры, чего двери-то открывать...

Мы въехали на нашу территорию. Я вышла из машины и, дрожа всем телом в страхе увидеть своего мужа с очередной любовницей, ну просто на подкашивающихся ногах подошла к дому, поднялась на крыльцо и вошла в распахнутую дверь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.